

На правах рукописи

Казиков Александр Альбертович

**КУЛЬТУРОГЕНЕТИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ
В I В. ДО Н. Э. — VIII В. Н. Э.
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ)**

Специальность 5.6.3. Археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Барнаул – 2024

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» на кафедре археологии, этнографии и музеологии

Научный консультант:

доктор исторических наук, доцент
Горбунов Вадим Владимирович

Официальные оппоненты:

Боталов Сергей Геннадьевич,
доктор исторических наук, ФГАОУ ВО
«Южно-Уральский государственный
университет (национальный
исследовательский университет)»,
Научно-образовательный центр
евразийских исследований, ведущий
научный сотрудник

Илюшин Андрей Михайлович,
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный
технический университет имени
Т. Ф. Горбачева», кафедра истории,
философии и социальных наук, профессор

Харинский Артур Викторович,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический
университет», кафедра истории и
философии, профессор

Ведущая организация:

**ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный
университет»**

Защита состоится 07 июня 2024 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.269.01 при ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» по адресу: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина 61, ауд. 416.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

https://www.asu.ru/science/dissert/hist_diss/dokter/zaschitu_2024d/kazakov/

Автореферат разослан « ____ » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Горбунов Вадим Владимирович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Обозначенный хронологический период знаменует начало нового этапа в истории исследуемого региона, связанного со сменой населения в результате миграционной волны с северных территорий. Территория лесостепного Алтая была тем очагом культурогенеза, в котором в результате взаимодействия различных культурных составляющих формировались новые культурные образцы, распространившиеся на другие регионы Южной и Западной Сибири, определяя их дальнейшее историческое развитие (Казаков, Казакова, 2016, с. 242; Савинов, Новиков, Росляков, 2006, с. 7, 339).

В исследуемом хронологическом диапазоне происходили важнейшие исторические события, связанные с Великим переселением народов, перекроившим политическую и этническую карту Евразии. До недавнего времени исторические процессы, происходившие в лесостепном Алтае, интерпретировались в контексте автономного регионального развития вне этих событий. Новые материалы позволяют их включить в канву мировой истории (Васильев, 1989; Бобров и др., 2003, с. 3; Молодин, 2011).

В настоящее время наблюдается дисбаланс в степени изученности различных сопредельных территорий, что делает невозможным воссоздание целостной картины исторического развития крупного региона в один из ключевых моментов древней истории. Подобная дискретность диктует необходимость проведения обобщающего комплексного исследования, учитывая ключевую роль региона в трансформации, появлении и распространении новых культурных традиций.

Необходимость комплексного, системного обобщения археологических материалов, полученных в результате многолетних исследований археологических памятников рассматриваемой территории, актуализируется дискусионностью многих вопросов, возникающих при их интерпретации. Многие проблемы могут быть решены с привлечением всего объема имеющихся данных, в т. ч. новых сведений, которые не введены в научный оборот или опубликованы фрагментарно.

Степень разработанности темы. Первые сведения об археологических памятниках лесостепного Алтая относятся к XVII в. Целенаправленное накопление и осмысление источников по древней истории региона связаны с деятельностью местных исследователей-краеведов XIX в. (Демин, 1989, с. 33–77).

Весомым импульсом развития археологии на Алтае послужила деятельность в 1920–1930-х гг. С. И. Руденко, С. В. Киселева, Г. П. Сосновского и М. П. Грязнова (Тишкина, 2009; Тишкин, Стяжкина, 2018, с. 189). Обработка материалов, полученных М. П. Грязновым

в 1946–1949 гг. в результате работ возглавляемой им Северо-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры АН СССР в урочище Ближние Елбаны, позволила создать первую периодизационную схему древней истории Алтая (Грязнов, 1956). В этой монографии была дана комплексная характеристика материальной культуры населения лесостепного Алтая в рассматриваемый хронологический период.

Несмотря на последующую передатировку этапов развития культуры (Троицкая, 1979; Чиндина, 1984), эта работа до настоящего времени является базовой.

В последующем новые материалы публиковались в небольших статьях. Другие работы были посвящены анализу конкретных категорий инвентаря. Они носили частный характер, в основном посвящались публикации небольшого количества новых, вновь появившихся материалов и включению их в существующую культурно-хронологическую схему (Бородаев, 1987; Иванов, 1991; Горбунов, 1996, 2003, 2006; Тишкин, Горбунов, 2012; Казаков, Кунгуров, 1993; Абдулганеев, 2001, 1992, 1993; Казаков, Папин, 1998; Казаков, 1998 и др.). Особого внимания заслуживают работы аналитического характера, касающиеся разработки вопросов в рамках отдельных археологических культур (Шамшин, Сингаевский, 2007; Григоров, 1998; Казаков, 1996 и др.), и крупные обобщающие исследования ученых сопредельных территорий, в которых материалы лесостепного Алтая рассматривались в контексте привлекаемых источников и аналогий (Троицкая, 1979; Троицкая, Новиков, 1998; Чиндина, 1984, 1991; Ширин, 2003 и др.).

Из работ, комплексно рассматривающих материалы, можно назвать монографию «Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья» (Казаков, 2014), однако она касается лишь одного из хронологических отрезков. Кроме того, проведена работа по характеристике погребального обряда населения исследуемого региона (Григоров, Казаков, 2018).

В настоящее время можно говорить об отсутствии обобщающих работ, комплексно характеризующих культуру населения лесостепного Алтая в I в. до н. э. — VIII в. н. э., и, как следствие, слабой разработанности темы.

Цель работы — на основе анализа археологических источников раскрыть формы и сущность культурогенетических и миграционных процессов на территории лесостепного Алтая в I в. до н. э. — VIII в. н. э.

Для ее выполнения поставлены следующие **задачи**:

1. Обобщить и систематизировать сведения по изучению и интерпретации археологических памятников исследуемого региона I в. до н. э. — VIII в. н. э.

2. Осуществить анализ основных культуuroобразующих признаков (поселения, погребально-поминальный обряд, керамический комплекс, инвентарь).

3. Выделить модальные признаки археологических культур и дать их характеристику.

4. Определить особенности формирования и эволюции археологических культур, механизмы их взаимодействия, развития и трансформации.

5. Установить направления культурных связей и компоненты, участвующие в формировании археологических культур.

6. Выявить миграционные потоки на исследуемой территории в I в. до н. э. — VIII в. н. э.

7. Охарактеризовать этапы этнокультурной истории населения лесостепного Алтая и уточнить их хронологические рамки.

Объектом исследования являются культуuroгенетические и миграционные процессы на территории лесостепного Алтая в I в. до н. э. — VIII в. н. э.

Предмет исследования — археологические источники, полученные при изучении погребальных комплексов, поселений и местонахождений, которые отнесены автором диссертации к алтайскому варианту кулайской культуры, одинцовской культуре и залесовскому типу памятников.

Территориальные рамки исследования определяются ареалами распространения археологических культур в лесостепном Алтае.

Это территория, ограниченная с юга Алтайской горной системой, включающая несколько географических провинций: Обскую пойму, Приобское плато, Предалтайскую равнину, Кулундинскую низменность, Предсалаирскую равнину, Бийско-Чумышскую возвышенность. В этом регионе распространены лесостепи и большие степные участки, чередующиеся с сосновыми ленточными борами и большими боровыми массивами (Атлас Алтайского края, 1978; Черноусов и др., 1988, с. 4–5; Малолетко, 1972, с. 21–27).

Существование различных ландшафтно-географических зон во многом предопределило характер исторических процессов. Открытость со стороны казахстанских степей, наличие надежных ориентиров (ленточных боров и притоков Оби) способствовали проникновению в лесостепной Алтай населения с западных и юго-западных территорий.

Хронологические рамки определяются началом массовой миграционной волны представителей саровского этапа кулайской культуры Томского Приобья на территорию лесостепного Алтая в I в. до н. э. (Чиндина, 1984, с. 106). Верхней хронологической границей является смена одинцовской культуры другими культурными образованиями в VIII в. (Казаков, 2014, с. 136). Таким образом, хронологические рамки исследования определяются I в. до н. э. — VIII в. н. э. В хронологические рамки работы не входят процессы более

раннего появления кулайского населения на территории лесостепного Алтая, подготовившие массовую миграционную волну, но не изменившие культурного облика региона. Они рассматриваются в качестве обеспечения необходимых причинно-следственных связей.

Методология и методы исследования. Для достижения заявленной цели необходимо комплексное исследование с использованием различных методов познания. Теоретическим базисом является общепhilosophический подход к изучению закономерностей связей вещей, явлений и процессов.

Использовались положения эволюционизма, которые хорошо зарекомендовали себя в археологических исследованиях при построении различных типологических схем и эволюционных рядов, являющихся основой относительной хронологии (Амброз, 1989, с. 7). Построены типологические ряды эволюционного развития поселенческих комплексов, элементов погребально-поминальной обрядности, керамики, являющиеся основой для относительно-хронологических схем. Подобный подход положительно зарекомендовал себя при проведении исследований как на сопредельных территориях (Троицкая, 1979; Чиндина, 1984), так и в лесостепном Алтае (Казаков, 2014; Григоров, Казаков, 2018).

Одним из основных принципов проведения исследования является принцип системного подхода, согласно которому изучаемые объекты представляют собой сверхсложные самоорганизующиеся системы открытого типа, все элементы которых находятся во взаимодействии и взаимосвязи.

С целью выявления значимости компонентов, участвующих в культурогенетических процессах, использовались положения мир-системного подхода (Гринин, Коротаев, 2008). В рамках этого подхода рассматривалась роль региона в исторических процессах Южной и Западной Сибири.

Большую роль в подготовке исследования сыграли различные виды анализа. В наиболее общем виде их можно охарактеризовать как качественный и количественный.

При определении хронологических границ бытования различных категорий инвентаря и при отнесении этих категорий к различным культурно-хронологическим группам использовался метод аналогий.

Автор отходит от линейного одномерного толкования исторического процесса, признавая возможность хронологического сосуществования различных археологических культур на одной и той же территории, поэтому возможны пересечения хронологических границ существования различных археологических культур и хронологических рамок этапов одной культуры.

Источниковую базу составляют археологические коллекции, архивные источники (отчеты о проведенных полевых работах), опубликованные научные работы. Отдельную группу источников представляют данные естественнонаучных определений.

Алтайский вариант кулайской культуры представлен в исследовании материалами 87 памятников, из которых 20 относятся к поселенческим комплексам, 7 — к погребально-поминальным, 1 клад. Материалы 59 памятников представлены сборами, по которым невозможно определить их тип.

Эпоха Великого переселения народов представлена материалами 7 памятников, из которых 5 относятся к погребально-поминальным комплексам, 2 являются случайными находками.

Одинцовская культура представлена в исследовании материалами 127 памятников, из которых 42 относятся к поселенческим комплексам, 11 — к погребально-поминальным. Материалы 69 памятников представлены сборами, по которым невозможно определить тип памятника.

Залесовский тип памятников представлен материалами трех погребально-поминальных комплексов, на которых исследовано 94 погребения.

Таким образом, в исследовании обобщены материалы с 224 памятников, из которых поселенческих комплексов 62, погребально-поминальных 26 и 131 местонахождение.

При непосредственном участии автора было исследовано 53 памятника.

Научная новизна работы. Впервые анализ всего массива данных исследуемого региона выполнен по единой методике.

На основе системного анализа керамических комплексов с территории лесостепного Алтая впервые обосновано выделение алтайского варианта кулайской культуры, охарактеризован фоминский тип керамики, определены критерии, позволяющие разграничить керамические комплексы на относящиеся к бочанцевскому, саровскому и фоминскому этапам. Подобное разделение позволило скорректировать ранее существующие представления о начале массового заселения племенами кулайской культуры лесостепного Алтая и на основании картографического анализа мест расположения саровских керамических комплексов определить маршрут миграции кулайских племен на новые территории.

Впервые систематизирован материал по эпохе Великого переселения народов. Проведенный анализ различных элементов погребальной обрядности определил критерии выделения гуннских комплексов в этом регионе. Картографический анализ гуннских древностей позволил наметить направление их миграции в лесостепной Алтай.

Данные исследований элементов погребальной обрядности, инвентарного комплекса, керамического комплекса и других элементов культуры позволили выделить новации, в результате взаимодействия которых с культурным комплексом племен фоминского этапа алтайского варианта кулайской культуры была сформирована одинцовская культура. По расположению памятников сошниковского этапа определен регион формирования одинцовской культуры.

Впервые построена эволюционная схема развития погребальной обрядности в исследуемом регионе, выявлены признаки, характерные для местного культурного субстрата, и различные культурные компоненты, приводящие к трансформации этих признаков в новые культурно-хронологические образования.

Формально-типологический анализ различных культуuroобразующих признаков позволил построить эволюционную схему развития керамического комплекса лесостепного Алтая на протяжении всего хронологического периода исследования, наметить эволюционную цепочку развития поселенческих комплексов.

Включение ранее не атрибутированных в культурном отношении материалов в единую базу данных позволило на основе модальных признаков выделить залесовский тип памятников. Его носители тесно контактировали с населением одинцовской культуры, что прослежено в некоторых элементах погребально-поминальной обрядности и инвентарного комплекса, сосуществовали с ними в пересекающихся ареалах распространения памятников.

Исследование выполнено на основе нового методологического подхода нелинейной интерпретации древней истории.

Применялись методы естественных наук и интеллектуального анализа данных, что позволило повысить объективность выводов.

Проведенное исследование опирается на большой массив нового, ранее не известного широкому кругу исследователей материала, значительная часть которого получена в ходе полевых исследований автора.

Теоретическая и практическая значимость полученных результатов заключается в том, что новые знания по истории лесостепного Алтая I в. до н. э. — VIII в. н. э. могут быть использованы при подготовке обобщающих научных трудов. Они позволят построить непрерывную эволюционную линию развития алтайского варианта кулайской и одинцовской культуры. Включение в эту схему крайне слабоизученного периода эпохи Великого переселения народов позволяет выявить культурные компоненты, заимствованные из гуннской среды при формировании культур эпохи раннего Средневековья в лесостепном Алтае, построить непрерывную культурно-хронологическую схему истории Алтая, восполнив недостающее в этой схеме звено. Полученные результаты позволят дополнить

картину формирования таких археологических культур, являющихся титульными не только для Алтая, но и для всей Западной Сибири, как одинцовская, верхнеобская и релкинская.

Кроме подготовки обобщающих трудов по истории региона и сопредельных территорий, результаты исследования могут быть использованы при написании спецкурсов и учебно-методических пособий с целью их использования в учебном процессе, подготовке рефератов, курсовых и дипломных работ, в музейной деятельности, составлении экскурсионных маршрутов и разработке материалов для проведения туристических экскурсий по территории лесостепного Алтая.

Полученные выводы позволяют использовать их для подготовки различных проектов по актуализации историко-культурного наследия регионов, для проведения историко-культурных экспертиз с целью решения вопросов как сохранения культурно-исторического наследия, так и возможности реализации различных проектов социально-экономического развития.

Включенность истории лесостепного Алтая в канву истории сопредельных регионов, взаимозависимость этнокультурных процессов на этих территориях позволяют использовать результаты исследования для охарактеризованных выше целей и представителям сопредельных регионов.

Степень достоверности и апробация результатов. Степень достоверности объясняется обширной источниковой базой. В исследовании использованы данные, полученные при помощи естественнонаучных методов. Достоверность представленных результатов подтверждается корреляцией данных, полученных с использованием качественного и количественного анализов.

Основные результаты исследования представлены широкой научной общественности и обсуждены на конференциях различного уровня в Барнауле (1990; 1991; 1993; 1994; 1995; 1996; 1997; 1998; 2001; 2009; 2013; 2015; 2016; 2017; 2018; 2019), Горно-Алтайске (1992), Липецке (1992), Омске (1993), Томске (1997), Санкт-Петербурге (1998, 2022), а также на V (XXI) Всероссийском археологическом съезде, проходившем в 2017 г. в Барнауле–Белокурихе.

Отдельные положения исследования опубликованы в 80 научных публикациях, из которых монографий 2, 13 разделов в коллективных монографиях, 1 раздел в учебнике, 1 справочник, статей и тезисов 63, из которых 24 статьи в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, из которых 7 статей в изданиях, индексируемых в международных наукометрических базах Web of Science и Scopus. Работы опубликованы в Голландии, Республике Казахстан, научных

центрах городов Москва, Санкт-Петербург, Барнаул, Горно-Алтайск, Бийск, Липецк, Омск, Кемерово, Томск, Сургут, Караганда, Казань, Тюмень, Усть-Каменогорск.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эпизодические проникновения кулайского населения на территорию лесостепного Алтая начались с конца III в. до н. э. и связаны с населением новосибирского варианта кулайской культуры.

2. Начало массового заселения кулайскими племенами лесостепного Алтая датируется I в. до н. э. Заселение происходило с территории Томского Приобья представителями саровского этапа кулайской культуры. Маршрут миграции пролегал по правобережью Оби, в экологическом отношении представлявшему лесные массивы, т. е. по традиционной экологической нише обитания саровских племен.

3. Формирование фоминского этапа алтайского варианта кулайской культуры произошло на территории лесостепного Алтая в результате взаимодействия с племенами староалейской и каменной культур.

4. Культурогенетические процессы, приведшие к трансформации саровских традиций в фоминские, происходили в лесостепном Алтае (Обская пойма в районе боровлянского лесного массива), из которого они распространились на другие территории.

5. Трансформация культурных традиций представителей фоминского этапа алтайского варианта кулайской культуры, приведшая к формированию одинцовской культуры, произошла под влиянием небольших групп мигрантов из юго-западных регионов, носителей гуннской культуры. В процессе культурогенеза участвовали и другие культурные компоненты, в т. ч. и майминской культуры.

6. Захоронения с конем отражают различные инокультурные влияния и не являются маркерами тюркского влияния.

7. Регионом культурогенеза одинцовской культуры является нижнее течение р. Бии и верховья Оби, включая боровлянский лесной массив.

8. Представители залесовского типа памятников появились в лесостепном Алтае в результате миграции с северо-западного направления и сосуществовали с «одинцовцами» как хронологически, так и территориально.

9. Майминская культура сыграла важнейшую роль в культурогенетических процессах, происходивших в лесостепном Алтае, являясь одним из компонентов при формировании одинцовской культуры.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списков сокращений, источников, литературы и приложений, в которых представлены текстовые, табличные и иллюстративные материалы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, приведена оценка состояния научной разработанности проблемы, сформулированы цель и задачи, определены объект и предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, охарактеризованы методологическая основа диссертации, ее источниковая база и научная новизна, обоснованы теоретическая и практическая значимость, представлены данные о достоверности и апробации результатов исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, раскрыта структура работы.

Глава I «Современные тенденции в изучении археологических памятников лесостепного Алтая конца I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.» посвящена характеристике современного состояния проблемы. Охарактеризованы основные тенденции последних лет в изучении I тысячелетия исследуемого региона.

В параграфе 1.1. «Общие проблемы изучения древней и средневековой истории лесостепного Алтая и сопредельных территорий» представлена проработка историографических вопросов предшествующими исследователями, что позволяет сосредоточить внимание на обзоре периодов, следующих за выходом обобщающих монографических работ.

Монографические исследования были посвящены либо анализу отдельных категорий инвентаря, таких как оружие (Горбунов, 2003, 2006, 2017; Соловьёв, 2003), украшения (Трифанова, Соенов, 2019), украшения конского снаряжения (Горбунова и др., 2009), либо анализу отдельных культурообразующих признаков, таких как погребальный обряд (Григоров, Казаков, 2018).

Эти работы внесли серьезный вклад в углубление наших знаний об этом хронологическом периоде. Работы В. В. Горбунова посвящены не только анализу оружейного комплекса, им делаются выводы, касающиеся как культурно-хронологической принадлежности оружейного набора, так и тактики и стратегии ведения боя, взаимоотношений с соседями. Прослеживаются культурные связи и заимствования населения лесостепного Алтая в I тысячелетии, что позволяет выйти на процессы культурогенеза.

Источниковая база активно пополнялась публикацией как материалов вновь выявленных памятников, так и материалов более ранних коллекций, которые в свое время не были опубликованы. Этому способствовало и издание сводов памятников по различным районам Алтайского края.

Отдельного внимания заслуживает работа над периодизационными схемами региона. Итоги этой работы нашли отражение в обобщающем труде по истории Алтая (Тишкин, 2019, с. 5–7).

Продуктивной тенденцией последнего времени является большое внимание, уделяемое естественнонаучным методам. Одним из них является технико-технологический анализ керамики. Изучению с применением этого метода подверглись и интересующие нас керамические комплексы (Степанова, Казаков, 2018, 2019, 2019а; Казаков, Степанова, 2020, 2021; Казаков и др., 2021).

Антропологические исследования позволили более доказательно проследить пути миграции и направления взаимодействий населения лесостепного Алтая, выйти на более достоверные этнокультурные построения (Дрёмов, 1975, 1995; Багашев, 1988, 2000; Тур, 1996; Поздняков, 2006, 2008; Чикишева, Поздняков, 2004; Чикишева, 2003; Багашев и др., 2017 и др.).

Выход на этнокультурные построения подкрепляется данными палеогенетики, которые делают их более доказательными (Воевода и др., 2003; Молодин, 2003; Волков, 2013; Пилипенко и др., 2020; Gulşah Merve Kılınc и др., 2021; Chuan-Chao Wang и др., 2021 и др.).

Более детально реконструировать хозяйство и экологическую ситуацию проживания древних насельников позволяют данные остеологии, палеопочвенного анализа и палеокарпологии.

Из методологических установок, влияющих на формирование исследовательской гипотезы, нужно отметить смену парадигмы линейного развития археологических культур, которая предполагает последовательное их существование, на нелинейную.

Можно выделить и еще одну проблему — I тысячелетие Западной Сибири изучено достаточно неравномерно.

Отмечена необходимость введения в научный оборот большого массива археологического материала, опубликованного либо фрагментарно, либо неопубликованного.

Изучению поселенческих комплексов уделялось мало внимания. Только в последнее время появился ряд работ, акцентирующих внимание на изучении поселенческих комплексов, информационные возможности которых ранее недооценивались (Демахина, 2016, 2017; Кызласов, 2011 и др.). Недостаточную изученность поселенческих комплексов этого региона в эпоху раннего Средневековья отмечает Д. Г. Савинов (Савинов, 1991, с. 151). Кроме этой проблемы, Дмитрий Глебович выделяет и еще одну — недостаточную изученность керамических комплексов (Савинов, 1991, с. 150–151).

В параграфе 1.2. «Проблемы изучения кулайской культуры» дана характеристика современного состояния проблемы кулайской культуры.

Публикаций, касающихся данной проблематики в лесостепном Алтае, не очень много. Их можно разделить на два основных блока. Один касается введения в научный оборот новых материалов, второй — первичного осмысления этих источников.

Тенденция к омоложению памятников кулайской культуры в лесостепном Алтае, наметившаяся начиная с середины 80-х годов XX в., оформилась с публикации В. Б. Бородаевым Новообинцевского клада, который он датировал IV–III вв. до н. э. (Бородаев, 1987, с. 111). Г. Е. Иванов, исследовав поселение Бочанцево 1, отметил близость керамики поселения керамическим комплексам второго этапа кулайской культуры Новосибирского Приобья, датируемым I в. до н. э. — I в. н. э. (Иванов, 1991, с. 120). М. Т. Абдулганеев с А. А. Казаковым, опираясь на материалы поселения Чудацкая гора, указали на наличие ранних кулайских материалов IV–III вв. до н. э. на этой территории.

Следует остановиться на работе В. В. Горбунова 2015 г., в которой им был выделен троицкий этап кулайской культуры, связанный с миграцией самодийских племен из Новосибирского Приобья в I в. до н. э. — II в. н. э. (Горбунов, 2015, с. 120, 2017; Горбунов, Кунгуров, 2018, с. 157), знаменующий начало миграционной волны и заселение лесостепного Алтая кулайскими племенами. Это проникновение исследователь связывает с саровскими племенами (Горбунов, 2015, с. 120).

Дальнейшая обработка материалов позволила выделить саровские комплексы, что подтверждает гипотезы о проникновении кулайского населения на территорию лесостепного Алтая в последних веках до нашей эры.

Этому способствовали комплексы фоминской керамики с однослойных поселений (Казаков, 2020а). Работа с этими комплексами позволила выделить признаки, отличающие керамику фоминского этапа кулайской культуры от керамики саровского этапа. Анализ расположения памятников, содержащих керамику саровского типа, позволил проследить пути миграции кулайского населения.

Диагностирующие признаки керамических комплексов фоминского и саровского типов выявили более ранний комплекс керамики, представляющей бочанцевский этап, и предварительно определили его хронологические рамки концом III в. до н. э. — II в. до н. э. (Казаков, 2021).

Достигнутые успехи в изучении кулайской культуры позволили выделить алтайский вариант кулайской культуры с тремя этапами развития (Казаков, 2022).

Среди антропологических исследований наиболее значимыми можно считать работы А. Н. Багашева. Успехи палеогенетики позволили В. Г. Волкову сделать вывод о наиболее вероятной принадлежности представителей кулайской культуры к самодийцам.

Говоря о точках зрения исследователей на изучение кулайской культуры лесостепного Алтая, можно констатировать их относительную солидарность. Основные теории вырабатываются коллективным творчеством и принимаются большинством. Дискуссии носят конструктивный характер и касаются прежде всего частных вопросов.

Особый интерес у исследователей вызывает кулайская металлопластика.

Таким образом, в настоящее время уже сложилась достаточно целостная картина развития кулайской культуры, но все эти сведения разбросаны по многочисленным публикациям и требуют обобщения.

В параграфе 1.3. «Проблемы изучения эпохи Великого переселения народов и одинцовской культуры» обосновано признание ведущей роли в культурогенезе одинцовского населения событий Великого переселения народов, которые для лесостепного Алтая слабо изучены.

После публикации материалов Тугозвонковского погребения накоплено достаточное количество источников, позволяющих включить лесостепной Алтай в круг регионов прямого гуннского влияния. Это захоронение на р. Ераска в Калманском районе Алтайского края (Егоров, 1993), находка калачиковидной серьги у с. Урлапово Шипуновского района Алтайского края (Казаков, Фролов, 2020), находка на Поликарповой гриве у с. Черная Курья Мамонтовского района Алтайского края гуннского котла (Иванов, 2016, с. 34, рис. 39), погребения в с. Усть-Пустынка Краснощековского района Алтайского края, в которых зафиксировано наличие искусственной кольцевой лобно-затылочной деформации черепа (Алехин, Гельмель, 1991), комплекс могильника Чекановский Лог 9 (Горбунов и др., 2004, с. 24).

Все погребально-поминальные комплексы, содержащие находки, соотносимые с гуннами, разделены на два типа (собственно гуннские и содержащие инвентарь, соотносимый с гуннами), выявлены признаки гуннских погребений для лесостепного Алтая, определены юго-восточная граница гуннской ойкумены, направление и маршрут миграции гуннов в лесостепной Алтай, разделены зоны влияния европейских и азиатских гуннов. Это позволило выделить культурные новации, способствующие формированию одинцовской культуры.

В контексте реконструкции исторических судеб населения лесостепного Алтая, связываемых большинством исследователей с его тюркизацией, важно положение о том, что мигранты (азиатские гунны) пришли из региона, который С. Г. Боталовым позиционируется

как область раннетюркского культурогенеза (Боталов, 2013, с. 61, 64). Будучи в культурном отношении немного тюрками (предтюрками?), они подготовили благоприятную почву для последующей тюркизации лесостепного Алтая.

Характеризуя проблемы изучения одинцовской культуры, отмечено, что все работы делятся на аналитические и публикующие новые материалы. Накопление источниковой базы по одинцовской культуре в эти годы проходило не очень интенсивно.

Постепенно начинает разрабатываться целостная концепция этнокультурного развития территории, включающей в себя четыре региона — лесостепной Алтай, или Барнаульско-Бийское Приобье, Новосибирское Приобье, Томское Приобье и Кузнецкую котловину (Бобров, Марочкин, 2017; Казаков, Казакова, 2016 и др.). В этих работах отмечается сильное влияние на процессы культурогенеза культурно-хронологических образований южной локализации (одинцовской и лачиновской культур).

Основной культурный импульс, способствующий формированию одинцовской культуры, связывается с юго-западным культурным влиянием.

Говоря об исторических судьбах одинцовской культуры, следует отметить работы, авторы которых считают, что местная самодийская линия продолжила свое развитие. В результате культурных инноваций, привнесенных пришлым населением, она послужила основой для формирования двух культур, сrostкинской и басандайской (Казаков, Казакова, 2016; Григоров, Казаков, 2018).

Культурогенетические процессы, проходящие в исследуемом регионе, позволили выделить лесостепной Алтай как центр культурогенеза юга Западной Сибири (Казаков, Казакова, 2016; Васютин, 2003, с. 19 и др.).

Еще одним направлением является появление работ по социальной организации одинцовского населения. Одними из первых были исследования, касающиеся как реконструкции макросоциальных структур (Казаков, 2015), так и реконструкции более низкого уровня (на уровне домовладения и поселка) (Казаков, Казакова, 2020).

Характеризуя состояние изученности одинцовской культуры, можно отметить, что уже сложилось достаточно цельное представление об этом культурно-хронологическом образовании.

В разделе 1.4. «Проблемы изучения майминской культуры» отмечено, что большинство работ по майминской культуре носит описательный характер, вводя в научный оборот материалы. Все известные памятники этой культуры являются поселениями.

М. Т. Абдулганеев сформулировал гипотезу о компонентах ее формирования (пришельцы из горных районов, местное население быстрианской культуры), охарактеризовал наземные хозяйственные постройки, выделил два типа каменных очагов. При

характеристике керамического комплекса гладкий штамп выделен как культуродиагностирующий орнаментальный элемент. По мнению исследователя, хозяйство майминского населения носило комплексный характер, сочетая скотоводство с преобладанием лошади и овцы, земледелие и развитую металлообработку (Абдулганеев, 1993, с. 3–5). В 1995 г. М. Т. Абдулганеев охарактеризовал майминскую культуру более полно (Абдулганеев, 1995, с. 78–81).

В 2018 г. был проанализирован керамический комплекс майминской культуры. Это позволило выделить три группы керамики. Различия между этими группами объясняются этапами развития культуры. Названия этапов даны по памятникам, давшим наиболее однородные комплексы (Казаков, 2018). В этой публикации говорится об отсутствии преемственности между керамическими комплексами майминской и быстринской культур. Отмечено взаимодействие на ранних этапах майминской культуры с кулайским населением и ее роль как одного из компонентов формирования одинцовской культуры, а также последующее взаимовлияние одинцовской и майминской культур (Казаков, Казакова, 2016).

Выделяется направление, объясняющее различия между керамическими комплексами наличием локальных территориальных вариантов майминской культуры (Киреев и др., 2008, с. 62; Кунгурова, Абдулганеев, 2019).

Интересной является теория переселения, сформулированная В. В. Горбуновым. По его мнению, майминская культура появилась в результате насильственного переселения шаньюями хунну/сюнну нового населения, которое, смешавшись с аборигенами, образовало новую майминскую культуру (Горбунов, 2019б, с. 281).

Глава II «Алтайский вариант кулайской культуры: формирование базового культурного компонента (конец III в. до н. э. — первая половина IV в.)» посвящена комплексной характеристике алтайского варианта кулайской культуры.

В параграфе 2.1. «Поселения» дано определение понятию «модальные признаки», которые обозначают наиболее распространенные параметры, наиболее часто встречаемые в исследуемой совокупности. Для их выявления использованы различные блоки информации: картографирование, гидрографическое положение, топографические особенности, экологическое окружение, макропланиграфические и планиграфические данные, характеристика культурного слоя, конструкций, к которым относятся постройки и ограничительные линии.

Одним из результатов картографического анализа является выделение ареала культуры. Северная граница проходит по широте с. Дресвянка Каменского района Алтайского края, захватывая Бурлинский (Алеусский) ленточный бор, который тянется вдоль р. Бурлы, небольшую южную часть Сузунского района Новосибирской области, затем

проходит по правому берегу р. Чумыш до ее верхнего течения в Ельцовском районе Алтайского края. Восточная граница маркируется правым берегом р. Би, захватывая северную часть Турочакского района Республики Алтай, южная граница проходит южнее г. Горно-Алтайска Республики Алтай, по территории Майминского района, выходя на верховья р. Ануй, среднее течение р. Чарыш, верхнее течение р. Алей и истоки рек Барнаулки и Касмалы. Западная граница маркируется поселением Плесики 2, расположенным в западной части Бурлинского (Алеусского) ленточного бора.

Проведенный анализ позволяет выделить особенности домостроительной традиции. Для нее характерны следующие модальные показатели:

1. Расположение поселений вблизи источников воды (река, озеро, речная протока).
2. Выбор мест для поселений на не затапливаемой во время паводка площадке, имеющей горизонтальную поверхность.
3. Уровень этой площадки не превышает высоты 10–15 метров от уреза воды. В подавляющем большинстве случаев высота этой площадки составляет 3–6 м.
4. Поселения располагаются в лесных (боровых) массивах на границе двух экосистем (лесной и пойменной).
5. Площади жилых площадок составляют от 1000 до 2500 кв. м. Жилые площадки могут иметь как ограниченную линейной вал–ров площадку, так и площадку, не ограниченную никакими сооружениями.
6. В ограничительной линии городищ вал, если он присутствует, располагается всегда с напольной стороны (перед рвом).
7. На жилой площадке в подавляющем большинстве случаев размещается от трех до пяти западин.
8. Слабая насыщенность культурного слоя находками. Примерно один сосуд (скопление керамики, развал сосуда) на 7 кв. м исследованной площади.
9. Редкие находки остеологических остатков в культурном слое.
10. Жилища представляли полуземляночные подпрямоугольные конструкции, выполненные каркасно-столбовым методом.
11. Глубина жилищного котлована составляет 0,5–0,7 м.
12. Площадь жилищ варьируется в пределах 25 кв. м.
13. Выходы коридорного типа с преимущественной ориентацией на северо-восток, в сторону водного источника.
14. В котлованах имеются очаги открытого типа с площадью порядка 0,5–1 кв. м. Располагаются очаги преимущественно у входа в жилище.

15. Материал концентрируется у очага и у дальней от входа стенки котлована, что свидетельствует о достаточно устойчивой традиционной планировке с выделением женской хозяйственной зоны.

В параграфе 2.2. «Погребально-поминальные комплексы» основной задачей являются рассмотрение топографических и планиграфических особенностей погребально-поминальных комплексов, характеристика основных элементов погребально-поминальной обрядности. Модальные признаки выделены на основании анализа пяти погребально-поминальных комплексов, на которых исследовано 37 погребений. С целью их выявления были проанализированы топографические данные, характеристика могильных ям, выявленных конструкций, погребенного, наличие и состав инвентаря.

Рассмотренные элементы позволяют выделить следующие модальные признаки:

1. При выборе места для могильников учитывалось наличие в непосредственной близости воды (реки). Все могильники расположены не очень высоко над водой, не выше уровня бортовой террасы.

2. Могильники грунтовые. Ни курганных насыпей, ни их следов, ни косвенных свидетельств их наличия не зафиксировано.

3. Для погребального обряда характерен биритуализм. В рамках одной культуры существовали два различных способа захоронения — ингумация и кремация. Причем на одном могильном поле могут встречаться погребения, совершенные как способом ингумации, так и способом кремации.

4. Если на раннем этапе развития алтайского варианта кулайской культуры (саровском) погребения совершались способом ингумации, то на заключительном, фоминском, этапе все погребения совершаются способом кремации.

5. Достаточно стабильная ориентация как длинной оси могильных ям погребений, совершенных по способу кремации, так и костяков в погребениях по способу ингумации в направлении восток–запад с различной вариабельностью к северу или к югу, с преобладанием северо-западной ориентации костяков на саровском этапе с постепенной сменой на преобладающую юго-западную ориентацию длинной оси могильных ям на фоминском этапе.

6. Наличие в могильных ямах внутримогильных конструкций, состоящих из деревянных перекрытий, как поперечных, так и продольных, деревянных рам и берестяных подстилок.

7. На заключительном, фоминском, этапе при сооружении внутримогильных конструкций начали использовать бересту, чего на ранних этапах не зафиксировано.

8. В погребально-поминальной практике нередки случаи использования огня. Причем они зафиксированы только в погребениях, имеющих внутримогильные конструкции.

9. Все костяки, погребенные способом ингумации, располагались вытянуто на спине.

10. Обязательное наличие в погребениях погребального инвентаря.

11. Отсутствие на площади могильников следов поминальных тризн.

В параграфе 2.3. «Керамический комплекс» проанализирован самый массовый вид источников. Анализу подверглись как морфологические особенности (форма сосудов, форма дна, форма венчиков), так и особенности орнаментации (орнаментальный элемент, орнаментальный мотив).

Выделены следующие модальные признаки:

1. Большинство сосудов сформованы из плотного однородного глиняного теста с мелкими фракциями отощителя, тонкостенные. Исключение составляют сосуды бочанцевского этапа алтайского варианта кулайской культуры, которые по технологии изготовления отличаются от поздних комплексов более толстыми стенками и более рыхлой структурой.

2. Формы сосудов в большинстве случаев представлены приземистыми закрытыми банками с круглым дном, диаметр устья которых чаще всего превышает высоту сосудов. Нередки баночные формы с диаметром устья, равным высоте сосуда, и достаточно редко встречаются сосуды, у которых высота превышает диаметр. Преобладают закрытые банки. Достаточно редки, но имеют место сосуды переходных форм от баночных к горшковидным. Все сосуды, за исключением редких экземпляров с поселения Бочанцево 1, круглодонные.

3. Формы венчиков более вариабельны. Наиболее распространенными являются прямой с округлым срезом и прямой с горизонтальным срезом, достаточно часто встречается прямой со срезом внутрь сосуда.

Карнизики на венчиках — явление хронологическое, позволяющее разделить керамические комплексы ранних этапов алтайского варианта кулайской культуры (бочанцевского и саровского) и более позднего (фоминского).

4. Наиболее распространенными элементами орнамента являются ямки, отпечатки крупнозубого гребенчатого штампа, гусеничка, гребенчатая уточка, гладкая уточка, насечки, отпечатки мелкозубого гребенчатого штампа, отпечатки гребенчатого штампа с усиленным концом и отпечатки гребенчатого штампа, нанесенные ребром орнаментира.

Можно отметить наличие отпечатка уголка лопаточки, отпечатка полулунного штампа, жемчужин, составной уточки с полулунным штампом, отпечатка подковообразного гребенчатого штампа.

5. Наиболее распространенными орнаментальными мотивами являются горизонтальный, наклонный, вертикальный, ёлочка и зигзагообразный. Часто встречаются комбинированный и паркетный.

Результаты анализа керамического комплекса позволили выделить три группы памятников, содержащих керамические комплексы, отличающиеся по определенному набору признаков (Казаков, 2019а, 2020а, 2020б, 2020в, 2021; Казаков, Казакова, 2020а и др.).

В параграфе 2.4. «Хозяйственная деятельность» отмечено, что материалов для освещения хозяйственной деятельности мало. Поэтому использован исторический подход, основанный на привлечении как прямых, так и косвенных данных (Чиндина, 1991, с. 124).

Обобщив немногочисленные источники, можно говорить, что хозяйство было комплексным, сочетающим в себе как присваивающие, так и производящие отрасли с ведущей ролью присваивающей экономики.

Из присваивающих отраслей ведущую роль играли рыболовство и охота. Собирательство дополняло рацион продуктами растительного происхождения.

Производящие отрасли представлены скотоводством (коневодство и собаководство). Свидетельства наличия земледелия в настоящее время отсутствуют.

Имели место и отрасли домашнего производства, обеспечивающие всем необходимым для нормальной жизнедеятельности и ведения охарактеризованных выше видов хозяйства, а также связанные с переработкой продуктов хозяйственной деятельности.

Глава III «Эпоха Великого переселения народов: лесостепной Алтай в составе гуннской ойкумены (вторая половина IV в. — первая половина V в.)» посвящена характеристике материалов, относящихся к представителям гуннского культурного круга.

В параграфе 3.1. «Памятники эпохи Великого переселения народов» обозначен маркер, который позволяет выделить комплексы материальной культуры, относящиеся к гуннской культурной среде. Это изделия в полихромном стиле (Фурасьев, 2016, с. 54; Гмыря, 2014, с. 302). Учитывая малочисленность источников, привлекались и памятники сопредельных территорий (Новосибирской и Томской области).

Это 11 памятников: Могильник Тугозвоново (Уманский, 1978), могила № 688 на могильнике Сопка 2 в Барабе (Молодин, Чикишева, 1990), погребение Ераска в Калманском районе Алтайского края (Егоров, 1993), погребение на могильнике Ивановка 6 в Новосибирской области (Бородовский, 1999), погребение кургана 35 Тимирязевского курганного могильника 1 (Беликова, Плетнева, 1983, с. 90), погребение курганного могильника Крохалевка 23 (курган 6) (Троицкая, Новиков, 1998), погребение 2 кургана 1 курганного могильника Крохалевка 16 (Сумин и др., 2013, с. 222), случайная находка калачиковидной серьги у с. Урлапово Шипуновского района Алтайского края (Казаков,

Фролов, 2020), комплекс Аржан-Бугузун из Кош-Агачского района Республики Алтай (Кубарев, 2010), материалы из урочища Бома в северном Притяньшанье (Алкин, 2007). К этим памятникам можно отнести и находку на Поликарповой гриве у с. Черная Курья Мамонтовского района Алтайского края гуннского котла (Иванов, 1982, с. 33, рис. 4–15).

Параграф 3.2. «Погребальный обряд» посвящен выделению признаков погребально-поминальной обрядности памятников гуннского культурного круга. Три погребения являются грунтовыми и совершены по обряду ингумации (№ 688, Тугозвоново, Ераска), в четырех случаях — подкурганными, совершенными по обряду ингумации (Крохалевка 23, Ивановка 6, Крохалевка 16, Бома), в одном случае (Тимирязевский 1) — кремация под курганом. Способ погребения на памятнике Аржан-Бугузун можно определить как подкурганную кремацию.

В Тугозвоново погребенный ориентирован на восток-юго-восток, на Ераске — северо-северо-восток, на Сопке 2 (№ 688) — северо-северо-восток, Крохалевке 16 — северо-северо-восток. Ориентация погребенных в Крохалевке 23, Ивановке 6 и Бома неизвестна.

В пяти случаях костяки лежат вытянуто на спине. В двух случаях (№ 688 и Ераска) захоронения совершены в сопровождении коня. В двух случаях (№ 688 и Ераска) конь ориентирован в том же направлении, что и человек. На Ераске конь захоронен справа от погребенного на одном с ним уровне, в погребении № 688 — слева от погребенного, на приступке, выше уровня человека.

Особенностью погребального обряда в двух случаях является кольцевая деформация черепов погребенных (№ 688, Тугозвоново).

В параграфе 3.3. «Изделия полихромного стиля» на основании анализа технологических особенностей отмечено, что изготовление изделий подобного типа является сложным процессом, который выполнялся различными мастерами и предполагал высокую степень разделения труда.

Типологические особенности изделий из описанных выше комплексов позволяют отнести их к 3 типу по типологии А. К. Амброза, (Амброз, 1989, с. 65), или к подгруппе «В» И. П. Засецкой (Засецкая, 1971, с. 62). Все полихромные изделия имеют такой элемент декора, как зернь, что позволяет отнести их к изделиям первой стилистической группы (по И. П. Засецкой). Можно отметить их многослойность.

В параграфе 3.4. «Проблемные вопросы интерпретации источников» на основании имеющихся данных строятся интерпретационные гипотезы. Картографирование определило восточную границу распространения изделий полихромного стиля гуннского типа, которая пролегает в районе между 80 град. и 90 град. в. д. (Казаков, 2017б, с. 90). Анализ ареалов распространения разных стилистических групп изделий позволяет выделить

два ареала (азиатских и европейских гуннов). Наиболее восточные памятники с изделиями полихромного стиля оставлены представителями азиатских гуннов (Казаков, 2017, 2017а, 2018а).

Рассмотрение погребально-поминального обряда памятников позволяет разделить их на две группы.

Первую составляют захоронения, где изделия полихромного стиля представлены комплексно, встречены в составе законченного изделия. Они не имеют признаков вторичного использования, переделки и приспособления для их крепления не в составе целого комплексного изделия. Используются по своему прямому назначению. Эти погребения по своему обряду отличаются от массового, типичного для археологической культуры региона обряда захоронения, выделяясь из него по ряду признаков. В то же время все захоронения этой группы объединяются рядом схожих признаков погребального обряда. К ним относятся Ераска, Тугозвоново, Сопка 2 (погребение № 688), Аржан-Бугузун и Бома. Их объединяет одиночная ингумация, бескурганные захоронения в грунтовых ямах, ориентация преимущественно в восточном направлении, захоронения вне могильного поля (одиночные), глубокие могильные ямы, богатство инвентаря, отсутствие в захоронениях и рядом с ними керамических сосудов.

Во вторую группу входят захоронения, совершенные по типичному для региона погребальному обряду. Изделия полихромного стиля в них представлены единичными находками. Ряд изделий из этих погребений имеет признаки их приспособления для вторичного использования. Это погребения курганного могильника Ивановка 6, Тимирязевского курганного могильника 1 кургана 35, курганного могильника Крохалевка 23 кургана 6 и могилы 2 кургана 1 курганного могильника Крохалевка 16.

Подобные различия позволяют выдвинуть гипотезу о принадлежности захоронений первой группы собственно гуннам, вторую группу захоронений можно считать погребениями культур локального региона, подвергшегося гуннскому влиянию.

Опираясь на археологические источники, можно предположить маршрут миграции представителей азиатских гуннов на территорию лесостепного Алтая с юго-западного направления по долинам рек Чарыш, Барнаулка и Касмала.

Глава IV «Одинцовская культура и залесовский тип памятников: процессы культурной трансформации (вторая половина IV в. — VIII в.)» посвящена характеристике одинцовской культуры и залесовского типа памятников.

В параграфе 4.1. «Поселения» для выявления модальных признаков были использованы различные блоки информации: картографирование, гидрографическое положение, топографические особенности, экологическое окружение,

макропланиграфические и планиграфические данные, характеристика культурного слоя, конструкций, к которым относятся постройки и ограничительные линии.

Одним из результатов картографического анализа является выделение ареала культуры. На севере граница ареала проходит по левобережью р. Чумыш, захватывая ее верховья, на востоке спускается с верховьев р. Чумыш до устья р. Бехтемир, правого притока р. Бии и далее до р. Катуня, немного не доходя до устья р. Иши, захватывая нижнее течение Катуня. На юге граница ареала распространения ядра памятников одинцовской культуры проходит по левобережью нижнего течения р. Катуня и Оби, захватывая приустьевые части и нижнее течение рек Песчаная, Ануй и Чарыш. Западная граница ареала проходит по левобережью р. Оби до устья р. Чумыш.

Проведенный анализ позволяет выделить особенности домостроительной традиции населения одинцовской культуры. Для нее характерны следующие модальные показатели:

1. Расположение поселений вблизи источников воды (река, озеро, речная протока).
2. Выбор мест для поселений на не затапливаемой во время паводка площадке, имеющей горизонтальную поверхность.
3. Уровень этой площадки не превышает высоты 10–15 метров от уреза воды. В подавляющем большинстве случаев высота этой площадки составляет 3–6 м.
4. Поселения располагаются в лесных (боровых) массивах на границе двух экосистем (лесной и пойменной).
5. Вся территория лесостепного Алтая была освоена одинцовским населением, крупные поселенческие комплексы которого располагались на расстоянии порядка 50 км один от другого.
6. Модальные площади жилых площадок составляют от 1000 до 2500 кв. м. Жилые площадки могут иметь как ограниченную линейной вал–ров площадку, так и площадку, не ограниченную никакими сооружениями.
7. Среди поселенческих комплексов городища (поселения с ограничительной линией) значительно преобладают над поселениями (без ограничительной линии).
8. В ограничительной линии городищ вал, если он присутствует, располагается всегда с напольной стороны (перед рвом).
9. На жилой площадке в подавляющем большинстве случаев (58 %) размещается от 10 до 20 западин. Встречаются и поселения с количеством западин более 50.
10. Поселенческие комплексы развиваются во времени по пути усложнения, от более мелких к более крупным.
11. Слабая насыщенность культурного слоя находками.
12. Редкие находки остеологических остатков в культурном слое.

13. Постройки представляли собой полуземляночные квадратные, реже подпрямоугольные конструкции, выполненные по большей части в срубной технике.

14. Глубина котлованов построек составляет 0,6–1 м.

15. Наблюдается специализация построек, что позволило выделить два типа. Хозяйственные постройки с модальной площадью до 20 кв. м и жилищные с модальной площадью от 30 до 60 кв. м.

16. На поселениях хорошо выражены домовладения, представляющие собой жилищно-хозяйственные комплексы.

17. В постройках присутствуют примерно в равных количествах выходы как коридорного типа, так и проемы в стене, ориентированные преимущественно по линии северо-восток – юго-запад.

18. Материал в котлованах концентрируется у очага и у дальней от входа стенки, что свидетельствует о достаточно устойчивой традиционной планировке с выделением женской хозяйственной зоны.

19. В котлованах имеются очаги открытого типа с площадью 0,5–1 кв. м. Располагаются очаги преимущественно ближе к центру котлована или у стенки, противоположной входу. Встречаются многоочажные постройки.

20. Одинцовское население владело большим количеством строительных приемов и технологий.

В параграфе 4.2. «Погребально-поминальные комплексы» основной задачей является рассмотрение топографических и планиграфических особенностей погребально-поминальных комплексов, а также характеристика основных элементов погребально-поминальной обрядности. Модальные признаки выделены на основании анализа 11 погребально-поминальных комплексов, на которых исследовано 108 погребений. С целью их выявления проанализированы топографические данные, характеристика могильных ям, выявленных конструкций, погребенного, наличие и состав инвентаря.

Рассмотренные элементы позволяют выделить следующие модальные признаки:

1. При выборе места для могильников учитывалось наличие в непосредственной близости воды (реки). Подавляющее большинство могильников расположены не очень высоко над водой, не выше уровня боровой террасы.

2. Могильники грунтовые. Ни курганных насыпей, ни их следов, ни косвенных свидетельств их наличия не зафиксировано.

3. Для погребального обряда характерна ингумация.

Один могильник с погребениями по способу кремации относится к сошниковскому этапу одинцовской культуры, основным содержанием которого является трансформация

культуры населения фоминского этапа алтайского варианта кулайской культуры. Погребальный инвентарь этого могильника содержит вещи одинцовского облика.

4. Отсутствие определенного порядка в расположении погребений на площади некрополя.

5. Формы могильных ям нестабильные. Модальные величины по размерам находятся в пределах следующих параметров: длина — от 1,5 до 2 м, ширина — от 0,5 до 0,8 м, глубина — от 0,3 до 1 м.

6. Достаточно распространенным элементом погребальной обрядности является наличие внутримогильных конструкций, состоящих из деревянных перекрытий, деревянных рам и берестяных подстилок, покрывал. Все эти внутримогильные конструкции существуют как самостоятельные элементы, не совмещаясь друг с другом. Зафиксированы единичные случаи совмещения берестяных конструкций с деревянными.

7. Использование огня в погребально-поминальной практике зафиксировано в редких случаях, только в погребениях, имеющих внутримогильные конструкции.

8. Костяки, погребенные способом ингумации, располагались вытянуто на спине.

9. Преимущественная ориентация погребенных в северо-восточный сектор при абсолютном преобладании северо-восточной ориентации.

10. Одиночные захоронения.

11. На могильных полях некрополей одинцовской культуры встречены единичные захоронения человека с конем.

12. Нередки захоронения людей с искусственной кольцевой деформацией черепов, чего в погребениях других археологических культур не встречается.

13. Наличие в погребениях погребального инвентаря.

14. Стабильность распространения таких категорий инвентаря, как керамика, элементы одежды, орудия труда, украшения и оружие.

15. Отсутствие в погребениях остатков погребальной пищи.

16. Наличие на площади могильников следов поминальных тризн.

Анализ 71 погребения из трех погребально-поминальных комплексов, культурно-хронологическая принадлежность которых вызывает определенные сложности, выявил следующие модальные признаки:

1. При выборе места для могильников учитывалось наличие в непосредственной близости воды (реки). Подавляющее большинство могильников расположены на высоких коренных террасах.

2. Могильники грунтовые. Ни курганных насыпей, ни их следов, ни косвенных свидетельств их наличия не зафиксировано.

3. Для погребального обряда характерна ингумация.

4. Отсутствие определенного порядка в расположении погребений на площади некрополя.

5. Формы могильных ям подпрямоугольные. Модальные величины по размерам находятся в пределах следующих параметров: длина — от 1,5 до 2,5 м и более, ширина — до 0,8 м, глубина — от 0,5 до 1 м.

6. Достаточно редким элементом погребальной обрядности является наличие в могильных ямах внутримогильных конструкций, состоящих из деревянных перекрытий и берестяных подстилок и покрывал. Не редки случаи совмещения берестяных конструкций с деревянными.

7. Слабо распространенным элементом традиционных обрядовых действий является использование огня в погребально-поминальной практике.

8. Костяки располагались вытянуто на спине.

9. Преимущественная ориентация погребенных в северо-западный сектор при абсолютном преобладании северо-западной ориентации.

10. Одиночные захоронения, которые не исключали практику парных захоронений.

11. На могильных полях встречены захоронения человека с конем.

12. Отсутствуют захоронения людей с искусственной кольцевой деформацией черепов.

13. Наличие в погребениях погребального инвентаря.

14. Стабильность распространения таких категорий инвентаря, как украшения, орудия труда, элементы одежды, предметы одежды, наборный пояс, оружие, снаряжение коня и культовые предметы. Редко в составе погребального инвентаря встречается керамика.

15. Редкое наличие в погребениях остатков погребальной пищи.

16. Отсутствие на площади могильников следов поминальных тризн.

В погребально-поминальной обрядности могильников единцовской культуры и могильников альтернативной культурной принадлежности наблюдается больше различий, чем сходства.

Монолитность этой группы в единстве погребально-поминальных традиций позволяет выделить залесовский тип памятников.

В параграфе 4.3. «Керамический комплекс» проанализирован самый массовый вид источников. Анализу подверглись как морфологические особенности (форма сосудов, форма дна, форма венчиков), так и особенности орнаментации (орнаментальный элемент, орнаментальный мотив).

Модальные признаки, характеризующие керамический комплекс одинцовской культуры:

Большинство сосудов тонкостенные, изготовлены из глиняного теста с мелкими фракциями отощителя. Толщина стенок в верхней части сосуда в приустьевой зоне превышает толщину дна.

Наиболее распространенной формой являются горшки с развитой шейкой и круглым дном, у которых диаметр устья равен высоте сосудов, и близкие к ним по форме горшки с наметившейся шейкой и круглым дном, диаметр устья которых меньше высоты сосуда, и горшки с круглым дном, диаметр устья которых равен высоте сосуда.

Для сошниковского этапа характерными являются круглодонные сосуды баночной формы как нормальных, так и вытянутых пропорций. На одинцовском этапе наблюдается переход к распространению сосудов горшковидной формы с диаметром устья, равным высоте сосуда, или вытянутых пропорций, среди которых преобладают с нормальной, не очень ярко выраженной шейкой и встречаются горшки вытянутых пропорций. Для более поздних периодов бытования одинцовского этапа и акутихинского этапа широко распространенными являются горшковидные сосуды с ярко выраженной шейкой и диаметром устья, равным высоте сосуда. Распространены и сосуды с ребром на плечике.

Формы венчиков значительно более вариабельны. Несмотря на широкую представленность различных форм венчиков, можно выделить определенные закономерности. Для сошниковского этапа модальными формами являются венчики прямые или слабопрофилированные и не встречаются венчики с хорошей и ярко выраженной профилировкой. Для одинцовского этапа характерно значительное численное преобладание профилированных форм венчиков, для акутихинского этапа — венчики только профилированные и с ярко выраженной шейкой.

Модальными орнаментальными элементами являются ямки, отпечаток крупнозубого гребенчатого штампа, отпечаток полулунного штампа, гусеничка, насечки, отпечаток гребенчатого штампа с усиленным концом и жемчужник.

Такой орнаментальный элемент, как жемчужины, встречается только на памятниках акутихинского этапа и является одним из диагностирующих, позволяющих отнести эти памятники к акутихинскому этапу.

Отпечаток уголка лопаточки и отпечаток гладкого штампа с усиленным концом характерны для памятников одинцовского этапа.

Модальными орнаментальными мотивами являются горизонтальный, наклонный, ёлочка, вертикальный, зигзаг и комбинированный.

Ёлочка, фестон, комбинированный и ленточный мотивы встречены только на памятниках сошниковского и одинцовского этапов и не встречены на памятниках акутихинского этапа. Мотив ёлочка находит большее распространение на памятниках сошниковского этапа и значительно меньше распространен на памятниках одинцовского этапа.

Основными чертами эволюции является усложнение форм сосудов — от баночных вытянутых пропорций через сосуды со слабовыраженной шейкой, горшковидные с правильными пропорциями к горшковидным с ярко выраженной шейкой. Количество орнаментальных элементов с развитием комплекса увеличивается. Сначала появляются сосуды с отпечатком уголка лопаточки и отпечатком гладкого штампа, затем появляется жемчужник. Количество орнаментальных мотивов, напротив, уменьшается, мотив ёлочки вообще исчезает на керамическом комплексе акутихинского этапа.

Для керамического комплекса залесовского типа памятников модальными являются следующие признаки:

1. Большое разнообразие форм сосудов. Наибольшее распространение имеют сосуды горшковидной формы вытянутых пропорций (диаметр устья которых меньше высоты сосуда).
2. Комплекс круглодонный, в котором нередко сосуды с приостренной формой днища.
3. В орнаментации широко использовались такие орнаментальные элементы, как отпечаток крупнозубого гребенчатого штампа, жемчужины и каплевидные вдавления.
4. Большое разнообразие орнаментальных мотивов при доминировании горизонтального.
5. Нанесение по верхнему краю венчиковой зоны, рядом со срезом венчика, горизонтально ряда жемчужин, редко — ямок.
6. Орнаментация венчиковой части орнаментального поля, непосредственно примыкающей к венчику, что создает впечатление воротничка.

При определенном сходстве керамических комплексов одинцовской культуры и залесовского типа памятников можно говорить о их значительном различии, что не позволяет объединить эти комплексы в культурнооднородный. К ним относятся:

1. Наличие в формах сосудов залесовского керамического комплекса горшков с узким прямым устьем и шаровидным туловом, диаметр устья которого равен высоте сосуда, каких не встречено в формах сосудов одинцовской культуры.
2. Наличие в керамическом комплексе залесовского типа памятников сосудов с приостренным дном, каких нет в керамических комплексах одинцовской культуры.

3. Наличие в керамическом комплексе залесовского типа памятников орнаментальных элементов, нанесенных в динамичной манере, каких нет в керамических комплексах одинцовской культуры.

4. Наличие в керамическом комплексе залесовского типа памятников таких орнаментальных элементов, как отпечаток широкого гладкого штампа с усиленным концом и прямые резные линии, каких нет в комплексах керамики одинцовской культуры.

5. Различная частота встречаемости одних и тех же элементов. Причем частота встречаемости различается очень значительно.

6. Большая сложность орнаментальной композиции. Наличие в керамическом комплексе залесовского типа памятников сосудов, полностью орнаментированных, чего ни разу не наблюдалось в комплексах керамики одинцовской культуры.

7. Нанесение по верхнему краю венчиковой зоны, рядом со срезом венчика, горизонтально ряда жемчужин, редко — ямок. В одинцовской культуре ямки наносились по шейке сосуда или немного выше.

6. Орнаментация венчиковой части орнаментального поля, непосредственно примыкающей к венчику, что создает впечатление воротничка. Подобный элемент в орнаментальной композиции одинцовской керамики встречается крайне редко.

В параграфе 4.4. «Хозяйственная деятельность» отмечено, что хозяйство одинцовского населения было комплексным, сочетающим в себе как присваивающие, так и производящие отрасли.

Из присваивающих отраслей ведущую роль играли охота и рыболовство. Собираательство дополняло рацион продуктами растительного происхождения. Производящая отрасль хозяйственной деятельности представлена коневодством. Существовали и отрасли домашнего производства, обеспечивающие всем необходимым для нормальной жизнедеятельности и ведения охарактеризованных выше видов хозяйства, а также связанные с переработкой продуктов хозяйственной деятельности.

В параграфе 4.5. «Характеристика основных культурообразующих признаков» охарактеризованы модальные черты культуры одинцовского населения и единичные признаки, которые позволяют определить направления культурного влияния.

Малораспространенные и даже единичные признаки, которые отражают инокультурное влияние в погребально-поминальной обрядности одинцовского населения:

1. Наличие кремации на могильнике Троицкий Елбан.
2. Использование огня в погребально-поминальной обрядности.
3. Захоронения человека с конем.
4. Наличие искусственной кольцевой деформации черепа.

5. Уменьшение, а на последнем этапе бытования одинцовской культуры почти полное исчезновение внутримогильных конструкций.

6. Северо-западная ориентация костяка.

7. Западная ориентация костяка.

8. Юго-западная ориентация костяка.

9. Юго-восточная ориентация костяка.

10. Захоронение человека с собакой.

11. Распространение такой категории инвентаря, как снаряжение коня.

12. Появление и распространение такой категории инвентаря, как элементы наборного пояса.

13. Значительное сокращение керамики в составе погребального инвентаря.

14. Распространение безинвентарных погребений.

К таким признакам в керамическом комплексе относятся:

1. Появление и распространение жемчужника.

2. Наличие отпечатка S-образного гребенчатого штампа.

3. Наличие отпечатка уголка лопаточки.

4. Наличие отпечатка S-образного гладкого штампа.

5. Наличие наколов неправильной формы.

6. Наличие отпечатка гребенчатого штампа, нанесенного углом орнамента.

7. Наличие змейки.

8. Наличие клиновидных подтреугольных вдавлений.

9. Наличие отпечатка подковообразного гребенчатого штампа.

10. Наличие пальцевых (ногтевой, защитной) орнаментальных элементов.

11. Наличие составной уточки с полулунным штампом.

12. Наличие каплевидных вдавлений.

13. Наличие сложносоставного двухэлементного штампа.

14. Наличие отпечатка гладкого штампа с усиленным концом.

15. Наличие группированного орнаментального мотива.

16. Наличие такого орнаментального мотива, как фестон.

17. Наличие такого орнаментального мотива, как ленточный.

18. Выраженный геометризм в построении орнаментальной композиции.

В погребально-поминальной обрядности представителей залесовского типа памятников выделяются следующие признаки, указывающие на наличие инокультурного влияния:

1. Захоронения с внутримогильными конструкциями.

2. Появление северо-восточной, восточной и южной ориентации костяков.
3. Наличие в инвентарном комплексе погребений керамических сосудов.

Глава V «Культурно-исторические процессы на территории лесостепного Алтая» посвящена интерпретационным построениям.

В параграфе 5.1. «Миграции северных племен на рубеже эр и сложение алтайского варианта кулайской культуры» отмечено, что проникновение кулайского влияния на территорию лесостепного Алтая наблюдается раньше, чем произошла смена населения, отмеченная М. П. Грязновым, в II в. н. э., обусловленная массовой миграционной волной. Подобная миграция была подготовлена длительными и достаточно мирными контактами, протекающими на протяжении длительного хронологического периода (Иванов, 2000, с. 135; 2016, с. 33).

Миграция кулайского населения не была одномоментным явлением, а подготовлена более ранними контактами, которые фиксируются на археологическом материале с III в. до н. э. и связаны с инфильтрацией небольших групп кулайского населения, представленного представителями новосибирского варианта кулайской культуры. Наличие в их культуре черт большереченского населения скифо-сакского культурного круга позволило этим переселенцам достаточно мирно сосуществовать с представителями каменной и староалейской культур лесостепного Алтая. Этому мирному сосуществованию способствовало и отсутствие конфликта интересов, связанного с владением средствами производства. Бочанцевский этап является первым в освоении кулайским населением территории лесостепного Алтая и датируется III–II вв. до н. э.

Второй этап связан со второй миграционной волной кулайского населения уже с территории Томского Приобья (Казаков, 2020, с. 19), основу которой составляло саровское население, которое нашло в Новосибирском Приобье уже освоенные кулайцами территории и было вынуждено продвигаться южнее, в район с. Большая Речка, где и осело, активно взаимодействуя с местным населением староалейской археологической культуры. Это и привело к формированию фоминских комплексов. Саровский этап датируется I в. до н. э. — I в. н. э. Маршрут миграции саровского населения проходил по крупным лесным массивам правого берега р. Оби.

Третий этап представлен комплексами фоминского этапа кулайской культуры. Культура фоминского этапа сложилась на основе культуры населения саровского этапа Томского Приобья. Процесс культурогенеза был сложным и отличался от такового на сопредельных территориях. В районе Ближних Елбанов саровские племена в результате взаимодействия с представителями каменной и староалейской культур трансформировали

свои культурные традиции. Сохранившаяся монолитность основных культуuroобразующих признаков позволяет говорить об их эволюционной трансформации.

Сложившаяся культура фоминского этапа оказалась очень жизнестойкой, распространившись на сопредельные территории, оставив там достаточно яркие памятники типа Усть-Абинского могильника.

В параграфе 5.2. «Культурные трансформации в эпоху Великого переселения народов и формирование одинцовской культуры» реконструируются этнокультурные процессы, приведшие к появлению одинцовской культуры. Базой, на основании которой сложилась одинцовская культура, послужили основные культуuroобразующие комплексы фоминского этапа алтайского варианта кулайской культуры.

Домостроительные традиции практически не претерпели серьезных трансформаций. Для керамического комплекса также характерно отсутствие серьезных трансформаций и преобладание эволюционных тенденций развития над революционными.

Появление полулунного штампа указывает на контакты представителей алтайского варианта кулайской культуры с населением майминской культуры. О достаточно сильном влиянии майминского населения свидетельствует и наличие гладкого штампа на одинцовской керамике.

Появление жемчужника на акутихинском этапе указывает на направления культурного заимствования этого орнаментального элемента, который широко распространен на керамике залесовского типа памятников. Кроме того, жемчужник свидетельствует о культурном влиянии с восточного направления, со стороны лачиновской культуры, сформированной на традициях восточносибирских регионов.

Основным культурным импульсом, повлиявшим на трансформацию погребально-поминальной обрядности населения алтайского варианта кулайской культуры, является миграция населения из юго-западных регионов, представляющего традиции гуннского культурного круга. Этот импульс в середине IV в., вероятнее всего, связан с представителями кенкольской археологической культуры. К изменениям в погребально-поминальной обрядности можно отнести полное замещение обряда кремации на обряд ингумации, северо-восточную ориентацию костяков, прижизненную искусственную кольцевую лобно-затылочную деформацию черепов, появление захоронений с конем. В дальнейшем культурные связи с этим направлением не прекращаются.

Говоря об эволюции погребально-поминальной обрядности, можно отметить очень тесные контакты с представителями археологических культур, сформированных на посткулайской основе. К этим культурным влияниям можно отнести появление и последующее распространение юго-восточной ориентации, которая связывается

с самодийским пластом и является доминирующей в культурах сопредельных территорий (релкинская и верхнеобская).

О культурных контактах с археологическими культурами западного направления свидетельствуют появление и распространение в погребально-поминальных комплексах юго-западной ориентации, которая характерна для памятников потчевашской культуры, сформированной на посткулайском культурном пространстве.

Появление северо-западной ориентации можно связывать с влиянием традиций залесовского типа памятников.

Одинцовская культура лесостепного Алтая существовала в хронологическом диапазоне второй половины IV в. — VIII в. В своем развитии она прошла три этапа. Первый — сошниковский (вторая половина IV в. — первая половина V в.), второй — одинцовский (первая половина V в. — VI в.), третий — акутихинский (VII–VIII вв.).

Формирование одинцовской культуры происходило на территории лесостепного Алтая на основе культурного пласта фоминского этапа алтайского варианта кулайской культуры.

Культурные контакты населения одинцовской культуры со своими южными соседями, проживающими в Горном Алтае, населением булан-кобинской и тюркской археологических культур были крайне слабыми и эпизодическими и отразились только в заимствовании некоторых элементов материальной культуры (инвентарный комплекс).

В параграфе 5.3. «Миграционные процессы в раннем Средневековье и образование залесовского типа памятников» кратко охарактеризованы основные гипотезы, касающиеся вопросов происхождения и генезиса залесовского типа памятников.

Основным компонентом залесовского типа памятников является самодийский. Об этом свидетельствуют керамические сосуды, которые имеют большое сходство с керамическими комплексами одинцовской, верхнеобской, релкинской и потчевашской культур. На это указывает и комплекс изделий, происходящих из ряда погребений могильника Чумыш-Пережат, в т. ч. и бронзовая бляха с изображением медведей в жертвенной позе.

Можно предположить, что появление залесовского типа памятников связано с миграционной волной ограниченной группы потчевашского населения, которое на местной, родственной культурной основе, сформированной на кулайском культурном базисе, в тесном взаимодействии с местным одинцовским населением сформировало залесовский тип памятников. Об этом свидетельствуют модальная северо-западная ориентация, широкое использование дерева и бересты при сооружении внутримогильных конструкций,

распространенный культ огня, прослеживаемый в потчевашской погребально-поминальной обрядности.

Такие особенности погребального обряда, как расчленение туши коня перед погребением, нестабильная ориентация коня, расположение туши коня не в одной могильной яме (Фрибус, Грушин, 2021), ряд других особенностей, характерных для погребений с конем залесовского типа памятников, не характерны для кочевников Центральной Азии (Серегин, Степанова, 2021a). Если говорить о захоронениях коней отдельно и конских черепов, то этот обычай редко встречается у представителей тюркской культуры (Кубарев, 2005. с. 20). В среде лесных культур севера и северо-запада (потчевашская, релкинская, верхнеобская, одинцовская) он встречается часто. По мнению Л. А. Чиндиной, обряд захоронения отдельно конских черепов пока известен только в археологических культурах Западной Сибири (Чиндина, 1977, с. 100).

На регион северных культур самодийского облика как исходную точку миграции залесовского населения указывает и инвентарный комплекс. Для релкинской, потчевашской и верхнеобской культур характерны бронзовые пластины с изображением медведя в жертвенной позе, керамический комплекс, а также другие изделия. В инвентарных комплексах этих культур имеют широкое распространение наборные пояса и изделия в геральдическом стиле.

Появление памятников залесовского типа связано с миграцией группы населения, принадлежащего, вероятнее всего, потчевашской или релкинской культуре, по крайней мере ярко выраженного лесного облика. В процессе миграции и проживания в регионе распространения одинцовской культуры она эволюционировала и по своим культурным особенностям стала более приближена к культуре аборигенного населения, представленного в это время представителями одинцовской культуры.

В Заключении подведены итоги исследования и сделаны основные выводы.

Одним из результатов стало создание единой базы данных по памятникам алтайского варианта кулайской культуры, эпохи Великого переселения народов, одинцовской культуры и залесовского типа памятников.

Реализация принципа системного подхода позволила выделить основные культуурообразующие признаки и всесторонне охарактеризовать изучаемые археологические культуры.

Анализ системы признаков поселенческого комплекса информации позволил сделать вывод об их эволюционном развитии. Внутри этой системы выявлены основные тенденции, которые заключались в усложнении социальной организации населения, что повлекло

укрупнение поселенческих комплексов, выделение домовладений, развитие различных строительных приемов.

Данные анализа погребально-поминальных комплексов также свидетельствуют об эволюционном развитии изучаемых культур, хотя именно внутри этого комплекса прослеживается прерывание некоторых традиций, позволяющее говорить о своеобразии археологических культур. Прежде всего, это смена обряда кремации на обряд ингумации, появление практики поминальных тризн, захоронения людей в сопровождении коня, появление обычая искусственной прижизненной кольцевой деформации черепов. Комплексный подход к анализу различных признаков погребально-поминальной обрядности позволил выделить представительную группу погребально-поминальных памятников, которые были объединены в залесовский тип памятников.

Анализ керамических комплексов позволил выделить особенности культурогенеза алтайского варианта кулайской культуры и построить эволюционную схему развития керамического комплекса на протяжении всего исследуемого хронологического периода, разделить его на культуроразнородные комплексы и выделить внутри них признаки, разграничивающие этапы их развития.

Осмысление инвентарного комплекса позволило выделить культуродиагностирующие категории инвентаря. Выявлены различия в составе погребального инвентаря памятников одинцовской культуры и залесовского типа.

Впервые в практике археологических исследований лесостепного Алтая при характеристике культурообразующих признаков были использованы модальные величины, что позволило более объективно эти признаки охарактеризовать. Подобная методология может быть распространена на исследования других культурно-хронологических образований как в исследуемом регионе, так и на других территориях.

Определены основные особенности формирования и эволюции археологических культур, механизмы их взаимодействия, развития и трансформации. Были выделены направления культурных связей и компоненты, участвующие в формировании археологических культур. Анализ эволюции культурообразующих признаков одинцовской культуры, прежде всего погребально-поминальной обрядности и инвентарного комплекса, послужил выделению культурных контактов, их направлений и носителей культурных традиций, которые влияли на эволюционные процессы развития этой культуры.

Подобная детализация послужила пересмотру точки зрения на определяющее влияние южных булан-кобинского и тюркского компонентов на культурогенетические процессы, происходящие на территории лесостепного Алтая, и формулировку положения, согласно которому культурогенетические процессы, прежде всего эволюционного характера,

происходили в основном под влиянием культур сопредельных регионов, сформированных на посткулайской основе.

Рассмотрение обряда погребения с конем позволило отказаться от доминирующей ранее позиции о принадлежности этого компонента погребально-поминальной обрядности тюркскому населению. Этот обряд был известен на территории культур посткулайского пространства задолго до появления в этом регионе собственно тюрков и отличается от тюркской традиции.

Наличие обратной связи при культурных взаимодействиях привело к проникновению культурных традиций одинцовской культуры в культурную среду сопредельных регионов, что запустило в них культуругенетические процессы. В Новосибирском Приобье это культурное влияние привело к формированию верхнеобской культуры, в Томском Приобье — к формированию релкинской культуры.

Комплексно охарактеризованы миграционные процессы и прослежены культурные составляющие не только заселения лесостепного Алтая кулайским населением, но и эпохи Великого переселения народов, что позволило включить этот регион в события геополитического масштаба, происходящие на территории Евразии.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях и журналах, рекомендованных ВАК:

1. Казаков А.А. О возможности культурно-хронологического совмещения фоминских и одинцовских памятников (историографический аспект) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 261–266. (0,3 п.л.)

2. Казаков А.А. Макропланиграфические данные поселений как источник для исторических реконструкций // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (36). С. 90–97. (0,4 п.л.)

3. Казаков А.А. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 106–114. (1 п.л.)

4. Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культуругенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4 (92). С. 238–243. (авт. вкл. 0,55 п.л.)

5. Казаков А.А. О восточной границе распространения изделий полихромного стиля // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 1 (45). С. 83–92. (1,1 п.л.)

6. Казаков А.А., Казакова О.М. Поселение Новозыково 3 (история исследования, планиграфия, вещевой комплекс) // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 158–166. (авт. вкл. 0,5 п.л.)
7. Казаков А.А. О границе цивилизационно-ментальных зон в эпоху Великого переселения народов по археологическим источникам // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 120–130. (1,25 п.л.)
8. Казаков А.А. Керамический комплекс майминской археологической культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 74–83. (1,1 п.л.)
9. Казаков А.А., Казакова О.М. Поселение Новозыково 3 (комплекс раннего Средневековья) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 1 (23). С. 124–135. (авт. вкл. 0,65)
10. Казаков А.А., Ситников С.М. Изделие средневековой металлопластики из Панкрушихинского района (Алтайский край) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 20–25. (авт. вкл. 0,4)
11. Казаков А.А., Степанова Н.Ф. Керамика поселения Майма 1 предгорной зоны Алтая (результаты технико-технологического анализа) // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 3 (107). С. 97–103. (авт. вкл. 0,5)
12. Сайберг В.О., Казаков А.А., Грушин С.П. Жилища одинцовской культуры второй половины V — VI вв. (по материалам городища Малый Гоньбинский кордон-2/6-2) // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 2 (106). С. 102–107. (авт. вкл. 0,3)
13. Степанова Н.Ф., Казаков А.А. Особенности керамического комплекса раннего железного века и раннего Средневековья поселения Новозыково-3 из предгорного Алтая (по результатам технико-технологических исследований) // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4 (28). С. 69–79. (авт. вкл. 0,4)
14. Казаков А.А., Фролов Я.В. Находка изделия полихромного стиля в Алтайском крае // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 168–177. (авт. вкл. 1 п.л.)
15. Казаков А.А. Поселение Ближние Елбаны-IV (по материалам Государственного Эрмитажа) // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 2 (30). С. 7–23. (1 п.л.)
16. Казаков А.А., Степанова Н.Ф. Керамический комплекс раннего железного века городища Аллак 1 // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 5 (115). С. 113–119. (авт. вкл. 0,5 п.л.)

17. Казаков А.А. Поселение кулайской культуры Круглое Озеро // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7, № 2 (26). С. 107–114. (0,9 п.л.)

18. Казаков А.А. Комплекс фоминского этапа кулайской культуры городища Городище 3 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22 (3). С. 618–625. (0,9 п.л.)

19. Казаков А.А., Казакова О.М. Вариант реконструкции некоторых сторон социальной организации одинцовского поселения // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 4 (30). С. 96–106. (авт. вкл. 1,2 п.л.)

20. Казаков А.А., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф. Керамический комплекс поселения Курлек (северные предгорья Алтая) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 2. С. 157–174. (авт. вкл. 0,4 п.л.)

21. Казаков А.А., Казакова О.М. Базовые признаки погребально-поминальной обрядности лесостепного Алтая в 1 тысячелетии // Известия Алтайского государственного университета. 2022. № 2 (124). С. 62–65. (авт. вкл. 0,3 п.л.)

22. Казаков А.А. К вопросу о культурно-хронологической однородности комплекса Ближние Елбаны VII (по материалам Государственного Эрмитажа) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 172–187. (1,9 п.л.)

23. Казаков А.А., Тишкин А.А., Рудометов П.Л., Степанова Н.Ф. Кипринский Борок (Лесостепной Алтай): историко-культурная и технико-технологическая характеристика керамического комплекса раннего железного века и Средневековья // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 4. С. 48–65. (авт. вкл. 0,5 п.л.)

24. Kazakov A., Kazakova O. Huns in the East: The Polychrome Style // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 28 (2022) 358–367. (авт. вкл. 0,4 п.л.)

Монографии:

25. Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. 152 с. (19 п.л.)

26. Григоров Е.В., Казаков А.А. Барнаульско-Бийское Приобье в I–XII вв. (по данным погребального обряда). Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2018. 230 с. (авт. вкл. 8 п.л.)

Разделы в коллективных монографиях:

27. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск: ППО «Катунь», 1992. С. 7–48. (авт. вкл. 1,6 п.л.)

28. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск: ППО «Катунь», 1992а. С. 100–115. (авт. вкл. 0,6 п.л.)
29. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Караваев А.В. Краснощековский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1996. С. 36–49. (авт. вкл. 0,5 п.л.)
30. Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Локтевский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1996. С. 99–114. (авт. вкл. 0,6 п.л.)
31. Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Новогорьевский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1996. С. 125–135. (авт. вкл. 0,4 п.л.)
32. Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Рубцовский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1996. С. 149–166. (авт. вкл. 0,7 п.л.)
33. Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б. Третьяковский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1996. С. 194–210. (авт. вкл. 0,7 п.л.)
34. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Угловский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1996. С. 215–224. (авт. вкл. 0,6 п.л.)
35. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Кулайская культура (1–4 вв.) // Этнокультурная история Западной Сибири / Поселения и жилища. Томск: Изд-во Томского университета, 1994. С. 303–306. (авт. вкл. 0,2 п.л.)
36. Плетнева Л.М., Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселения и постройки Верхнего Приобья // Этнокультурная история Западной Сибири / Поселения и жилища. Томск: Изд-во Томского университета, 1994. С. 306–312. (авт. вкл. 0,2 п.л.)
37. Казаков А.А., Абдулганеев М.Т. Лесостепной Алтай // Этнокультурная история Западной Сибири / Поселения и жилища. Томск: Изд-во Томского университета, 1994. С. 331–333. (авт. вкл. 0,1 п.л.)

38. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Барнаульское Приобье // Этнокультурная история Западной Сибири / Поселения и жилища. Томск: Изд-во Томского университета, 1994. С. 411–415. (авт. вкл. 0,2 п.л.)

39. Яковлев Я.А., Плетнева Л.М., Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Развитое Средневековье. Верхнее Приобье // Этнокультурная история Западной Сибири / Поселения и жилища. Томск: Изд-во Томского университета, 1994. С. 437–445. (авт. вкл. 0,2 п.л.)

Раздел в учебнике:

40. Казаков А.А. Алтай в эпоху Средневековья // История Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1995. Ч. 1. С. 82–99. (2,1 п.л.)

Справочник:

41. Казаков А.А. Опубликованные памятники 1–2 тысячелетий с территории Алтайского края (справочник). Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2018. 194 с. (24,5 п.л.)

Статьи и тезисы:

42. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Верхнеобские памятники Иткульских озер // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Топчихинская типография, 1990. С. 104–108. (авт. вкл. 0,2 п.л.)

43. Казаков А.А., Исупов С.Ю. Керамический комплекс городища Бехтемир // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Топчихинская типография, 1990. С. 109–112. (авт. вкл. 0,2 п.л.)

44. Казаков А.А., Неверов С.В. Хронология и периодизация памятников середины — второй половины 1 тыс. н. э. Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Б. и., 1991. С. 167–170. (авт. вкл. 0,2 п.л.)

45. Шамшин А.Б., Казаков А.А. Аварийные археологические раскопки в Тальменском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный педагогический институт, 1992. С. 61–62. (авт. вкл. 0,2 п.л.)

46. Казаков А.А., Демин М.А. Аварийные работы в Красногорском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный педагогический институт, 1992. С. 70–71. (авт. вкл. 0,2 п.л.)

47. Казаков А.А. Методика поиска поселений 1 тыс. н. э. на Алтае // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Липецк: Липецкий государственный педагогический институт, 1992. С. 151–153. (0,3 п.л.)

48. Казаков А.А. Этнокультурная ситуация в лесостепном и предгорном Алтае в 1 тыс. н. э. // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, 1992. С. 85–87. (0,3 п.л.)
49. Казаков А.А. О южной периферии расселения самодийских племен // Проблемы этнической истории самодийских народов. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 1993. Ч. 2. С. 36–39. (0,4 п.л.)
50. Казаков А.А., Кунгуров А.Л. Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1993. С. 219–231. (авт. вкл. 0,8 п.л.)
51. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и Средневековье. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1994. С. 111–115. (авт. вкл. 0,2 п.л.)
52. Казаков А.А., Гальченко А.В., Степанова Н.Ф. Об особенностях орнаментации средневековой керамики // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и Средневековье. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1994. С. 154–155. (авт. вкл. 0, 1 п.л.)
53. Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники второй половины 1 тыс. н. э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 243–252. (0,2 п.л.)
54. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон 2 (по материалам разведки 1991 г.) // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1996. С. 68–72. (авт. вкл. 0,4 п.л.)
55. Казаков А.А. К вопросу о формировании одинцовской культуры // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1996. С. 166–177. (1 п.л.)
56. Казаков А.А. К вопросу о функциональном назначении линий вал-ров // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Азбука, 1997. С. 183–187. (0,5 п.л.)
57. Казаков А.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников эпохи раннего Средневековья Кузнецкой котловины // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1998. С. 172–191. (1,5 п.л.)
58. Казаков А.А. Городище Сошниково 1 // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1998. С. 192–205. (1,3 п.л.)

59. Казаков А.А. Планиграфические данные поселений как источник по реконструкции // Поселения: среда, культура, социум. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1998. С. 48–51. (0,4 п.л.)
60. Казаков А.А., Папин Д.В. Комплекс археологических памятников Кокуйское 1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1998. С. 169–172. (авт. вкл. 0,3 п.л.)
61. Казаков А.А., Удодов В.С. Поселение Плесики 1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1998. С. 176–179. (авт. вкл. 0,3 п.л.)
62. Семибратов В.П., Казаков А.А., Папин Д.В. Культурно-хронологические комплексы поселения Коловый Мыс 3 // Археология и этнография Алтая. Выпуск 2. Горно-Алтайск: Институт алтаистики имени С.С. Суразакова, 2004. С. 17–26. (авт. вкл. 0,8 п.л.)
63. Казаков А.А. О репрезентативности метода аналогий при культурно-хронологической атрибуции археологических материалов // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сборник научных трудов. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 327–331. (0,5 п.л.)
64. Казаков А.А. К археологической карте Быстроистокского района Алтайского края и Онгудайского района Республики Алтай // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2015. С. 99–103. (0,5 п.л.)
65. Казаков А.А., Грушин С.П., Сайберт В.О. Малый Гоньбинский кордон 2/6 — новый памятник одинцовской культуры Барнаульско-Бийского Приобья // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2015. С. 312–315. (авт. вкл. 0,2 п.л.)
66. Казаков А.А. К археологической карте Бийского района и верховьев р. Оби // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2016. С. 109–116. (0,5 п.л.)
67. Казаков А.А. Материалы 1 тысячелетия со сборов у с. Фоминского // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2016. С. 116–122. (0,5 п.л.)
68. Казаков А.А., Сайберт В.О. Жилище № 1 городища Малый Гоньбинский кордон — 2/6 — 2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2016. С. 122–126. (0,2 п.л.)

69. Казаков А.А. Новые памятники одинцовской культуры в Первомайском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2017. С. 29–34. (0,5 п.л.)
70. Казаков А.А. Ментально-культурные суперрегионы в эпоху Великого переселения народов // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. С. 439–440 [Электронный ресурс]. (0,1 п.л.)
71. Казаков А.А. Европа и Азия как самостоятельные мультикультурные провинции // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2017. № 2 (12). С. 10–13. (0,2 п.л.)
72. Казаков А.А. Гунны на Алтае: маркеры и последствия // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 112–115. (0,4 п.л.)
73. Казаков А.А. Материалы первого тысячелетия с памятника Ближние Елбаны 3 (по материалам Государственного Эрмитажа) // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 18–25. (0,4 п.л.)
74. Казаков А.А., Степанова Н.Ф. К вопросу о культурно-хронологических особенностях керамического комплекса с поселения Усть-Чумыш // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Барнаул: АлтГПУ, 2019. С. 54–59. (авт. вкл. 0,4 п.л.)
75. Казаков А.А. О времени проникновения кулайского населения на территорию лесостепного Алтая // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2021. С. 32–37. (0,5 п.л.)
76. Тишкин А.А., Казаков А.А. Сборы подъемного археологического материала у села Курлек в Красногорском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2021. С. 310–315. (авт. вкл. 0,2 п.л.)
77. Казаков А.А. Лесостепной Алтай в эпоху Великого переселения народов // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: материалы II Международного алтаистического форума. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2021. С. 70–74. (0,3 п.л.)
78. Казаков А.А., Рудометов П.Л. Кипринский Борок. Краткая характеристика и проблемы охраны // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2022. С. 244–248. (авт. вкл. 0,2 п.л.)

79. Казаков А.А. Алтайский вариант кулайской археологической культуры // Евразия в энеолите — раннем Средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984). Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2022. С. 239–241. (0,2 п.л.)

80. Казаков А.А. Керамический комплекс алтайского варианта кулайской и одинцовской культур с поселения Корчажка-5 // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2023. С. 320–324. (0,3 п.л.)